

Архиепископ Сан-Францисский ИОАНН (ШАХОВСКОЙ)

Сектантство в православии и православие в сектантстве

Ошибочно думать, что все православные суть действительно не сектанты и что все сектанты суть действительно не православные. Не всякий православный по имени таков по духу, и не всякий сектант по имени таков по духу, и в настоящее время в особенности можно встретить «православного» — настоящего сектанта по духу своему: фанатичного, нелюбовного, рационально узкого, упирающегося в человеческую точку, не алчущего, не жаждущего правды Божией, но пресыщенного горделивой своей правдой, строго судящего человека с вершины этой своей мнимой правды — внешне догматически правой, но лишенной рождения в Духе. И, наоборот, можно встретить сектанта, явно не понимающего смысл православного служения Богу в Духе и Истине, «не признающего» то или иное выражение церковной истины, но на самом деле таящего в себе много истинно Божьего, истинно любвеобильного во Христе, истинно братского к людям.

И наличие таких смешений в христианском обществе не позволяет легкомысленно подойти к вопросу вероисповедных отношений. Сектанты грешат в непонимании Православия, но и мы, православные, не следуем своему Православию, не понимая их, сектантов, иногда удивительно пламенно и чисто устремленных к последованию за Господом, к жизни в Нем, Едином.

Человеческий узкий, гордый, большой разум не преображенный в Духе Божиим, одинаково стремится к разделению и ищет повода к нему, кому бы он ни принадлежал этот разум — православному или сектанту.

Мы, православные, веруем, духовно видим, что *имеем* полностью человечески выраженной истины. Но это совсем не значит, что

мы уже *следуем* этой полноте истины и что эта полнота наполняет нас. Мы иногда имеем ее только на языке, или думаем, что она у нас в глазу должна заменить бревно духовной лености нашей. Но все это далеко не так. Истину мы имеем, и полную, но жить в ней не хотим или не умеем, и просто часто не стремимся жить в ней, ибо она очень стеснительна для нашего «ветхого человека». А погордиться, повеличаться своей православностью мы не прочь.

Тогда как среди иновероисповедных христиан есть множество живущих в истине Православия — духом своим. Есть сектанты, которые горят духом и любовью к Богу и к ближним гораздо более, чем иные православные, и вот этот *дух горения любви к Богу и к человеку* есть *признак истинного жизненного Православия*. Кто его не имеет среди православных, тот не истинно православный, и кто его имеет среди неправославных, тот истинно православный. *По-человечески* он заблуждается, *по-человечески* он не понимает того или другого, не видит тот или иной цвет в природе мира (духовный дальтонизм; не видит, например, смысла икон, общений со святыми, ушедшими из этого мира), но по духу, по *внутреннему человеку* он — «верный и истинный», нелицемерной любовью преданный Живому Богу Воплощенному, Господу Иисусу Христу — до смерти. Наличие таких подлинно православных христиан замечается, как среди православных по умоисповеданию, так и среди римо-католиков, также среди протестантов всех оттенков, к каковым оттенкам принадлежат и русские сектанты, сектаризировавшиеся, т. е. отделившиеся умом и опытом от догматического исповедания Церкви, отчасти из-за непонимания этого исповедания в Духе, отчасти из-за дурных примеров осуществления этого исповедания в жизни. Всякому православному ясно, что православные по своему умоисповеданию люди часто являются не только не назиданием для общества, но прямым развращением этого общества. Не говорим о примерах политиков, общественных деятелей: они касаются, конечно, и в большой степени и нас, духовенства, не всегда стоящего на духовной высоте Православия, несмотря на ясное сознание истинности своей Церкви. А монастыри... сколько было глубокого неправославия, мирского, тленного духа подчас под смиренной одеждой монаха. И все «легковесное», гнилое, всплывало на поверхность церковной жизни и более бросалось в глаза, чем истинно смиренный, самоотреченный труд множества пастырей и иноков подлинного Православия, жизнью своею шедших за Христом и умиравших во Христе. Революция показала, обнажила слабый слой православного русского священства, но она же подчеркнула мученическое исповедничество православной жизни у

большинства священников. Кто-то сказал, что наличие сектантства показывает религиозность народа. Можно сказать и так: наличие сектантства показывает православность народа, его горение духа, его стремление к идеалу, его жажду не внешней религии, но внутренней, жажду *своего* сердечного завета с Богом. И это по существу есть Православие. В наличии сектантства, православный, а тем более священник, всегда более виноват, чем сектанты. Думать так — не является ли думать — по православному, *беря на себя вину и ответственность за отделившихся братьев*? Иначе не будет *Христовой правды* — если не взять на себя вину. Человеческую правду можно осуществить в признании виновными сектантов, но Христова правда иная, «безумная» для мира, мудрая лишь — для Бога.

Ни спорами, ни диспутами, ни препирательствами, ни грубыми обличениями нельзя показать ту положительную силу Духа Божьего, который живет в Православии, который есть *само Православие*. Этот дух можно выявить лишь в «безумном» по человечески отречении от своих разумных прав и предоставлении Суда — Духу.

В православной апологетике надо, прежде всего, делать ясное и твердое ударение на разъяснении смысла вероучения и на показании этого вероучения *в жизни*.

Надо ясно понять, что Православие есть страшный Огонь, как Святые Тайны. Принимающих полноту Православия этот огонь либо преобразит, либо сожжет. Православие создало дух русского народа, *но оно же и сожгло русский народ*. Неправда, что русский народ сожжен большевизмом; он сожжен Православием, он сделался недостойным причастником Святыни Полноты веры и эта Святыня опалила его. Здесь закон Божьего Духа, закон Церкви.

Сектантство, — это *неправославное искание путей Православия*. По немощи человека оно совершается не «вглубь», а «вбок», т.е. не в догмате, а *около* догмата. Догматическая (чистая) жизнь около догмата представляет собою, конечно, большее Православие, чем недогматическая (блудная) жизнь *в* догмате. Это надо понять со всею ясностью, со всею определенностью Божьего Слова, прямо указывающего на это хотя бы в притче о двух сыновьях¹, из которых один сказал, что не исполнит воли отчей, но исполнил ее, а другой сказал, что исполнит, но не исполнил. Исповедание Православного Символа веры есть запечатление Евангелия. Символ должен совершаться *в жизни*, стать *реальностью*. У одного человека он совершенно не реален в жизни, хотя этот человек произносит его каждый день на молитве; у другого

вера является в жизни любви его ко Господу Иисусу Христу, к Отцу Небесному и Духу Святому, и она отражается на лице его, на словах и всех поступках. Кто ближе к Царствию Божию? Ответ ясен. Конечно, второй, «неправославный» по имени, но православный по духу и истине, наученный самим Духом.

Православные по самоисповеданию, по самоутверждению должны понять, что Православие это отнюдь не привилегия и не повод к осуждению других, и не гордость. Православие, наоборот, есть смирение, есть исповедание полноты Истины, как *правды, так и любви*. Православие должно побеждать только сиянием своим, как Сам Господь, а отнюдь не пушкой — стальной или словесной, все равно. Православие не сияет в православном обществе, в том, которое гордится своим Православием. Оно сияет в том, кто смирен в своем Православии, кто *чистоту* веры понимает не разумом только маленьким своим, но духом, всей жизнью.

Красота Православия дана для спасения людей, а православные ее стали обращать для осуждения, для погубления людей. Можно сказать, что нет на земле *совершенно православных людей*, но что частично православны и сами *так называемые православные* и те, кто не считает себя в православии, но считает во *Христовой Церкви* и жизнь живет во Христе. Православие — солнечный свет, лежащий на земле. Светит для всех, но не все освещаются им, ибо кто в подвале, кто закрыл свои окна, кто закрыл свои глаза...

Но невольно возникает вопрос: не есть ли эти мысли, хотя бы в самой малой мере, отказ от чистоты православной веры, от той чистоты, ради которой столько было пролито крови и ревности святыми отцами?

О нет, это не только не отказ от чистоты православности, но это есть *защита и исповедание именно ее*.

Возьмем для примера почитание святых, молитвы к ним. Сектант — неразумно, не по духу — отрицает эту ветвь жизни духа. Мы утверждаем ее духовную реальность во Христе. Может ли спастись человек, не признающий этой реальности? Страшный вопрос. То, что должно служить как помощь спасения, может ли быть как *предлог осуждения*, если не воспользоваться этой помощью? Что святые ищут — прославления себя, или Бога? Конечно, Бога. И всякое истинное прославление святых есть *прежде всего* — прославление Бога: «Дивен Бог во святых Своих...» Значит, если мы прославляем «прямо» Бога и прославляем *действительно*, нелицемерно, — святые и ангелы, конечно, ликуют, радуются, духовно лобзают такого прославляющего. Наоборот, если

человек поет величание и *акафисты** святым, а в жизни своей *не имеет любви к их духу* — духу Христовой чистоты и правды, и любви, не является ли этот человек более поругателем святых, чем прославителем их? Благодаря ему, может быть, многие перестали прославлять святых, соблаздившись такими результатами его прославлений... О, сколь косо и грубо плотское мудрование человеческое, как распинается чистейший Дух Господень в людях!

Установления Православной Церкви суть школа духа, самая удобная, если проходится в духе. Все в Православной Церкви должно оживлять и одухотворять. Вина человека, если он оземляется. Мы, православные пастыри, — учителя во Христе. Учитель Един — Господь Иисус Христос, и никто — вне Его — не может быть учителем. Мы учим лишь, *как повиноваться Единому Учителю*. Мы не во имя свое, но во имя Христова учителя. Но вот мы видим, что кто-то *выучился быть учеником Христовым* без нас. Что же? Будем ли мы против него восставать, как хотели апостолы восстать против тех, кто «не ходит с ними» (Лук. 9, 49), но получили достойную отповедь Учителя, годную и для нас, православных пастырей. Мы радоваться должны, что человек силою Всемогущего Духа, Который «дышет, где хочет», чудесно преобразил свою жизнь и приносит Богу плод. Нам не ясен путь Духа в этом человеке? Но разве мы поставлены судить о путях Духа, если плоды Духа ясны нашим глазам? *От плодов велено узнавать*. Плоды же ясно определены у апостола (1 Кор. 13, 4—8).

Непрощаем грех один только — против Св. Духа, против любви к Нему. Любящий неправду, восхваляющий грех, наслаждающийся злобой, повинен в этом грехе, но никак не умственно «признающий» или умственно «непризнающий», т.е. видящий душою или невидящий душою — той или иной истины. Если я духовный дальтоник, не вижу того или иного цвета в природе духовного мира, но остальные цвета вижу так же, как видят все, неужели я отверженный? Я скорее должен быть предметом особых попечений, особого сострадания. Сектант, который верует в Пресвятую Троицу, в необходимость духовного рождения, в необходимость сознательного отношения к крещению, в необходимость верующим не стыдиться веры своей среди равнодушных, но исповедывать ее перед всеми, верует каждому слову Священного Писания и из ревности по этой вере считает лишним все иные проявления откровений Духа Святого в Церкви за 1900 лет (откровений, кои не противоречат, но разъясняют скрытое в Евангелии) — этот сектант неужели должен быть злобно гоним нами,

православными? В чем же тогда будет наше Православие? Не только сектантов, этих братьев наших по вере в Единого Спасителя и Искупителя мира, мы не должны злобно, раздражительно и грубо гнать и осуждать. Мы *никого* из людей не смеем злобно или раздражительно осуждать. Мы можем заметить ошибку, слабость, если сами чисты, но соболезнующе. Немилосердно мы должны только изгонять грубый дух мира сего из своего сердца. И тогда наше Православие засияет. Ибо средство немислимо оправдать целью. Нельзя Православие защищать по-язычески или по-иудейски. Чистота Евангельского Духа — Православие Святое — должно защищаться евангельски, бесстрастно, мудро, с великою любовью к той душе, за которую пролита Богочеловеческая кровь.

Кидать камнями очень легко. И ветхий наш человек только ищет дозволенных предлогов для камня. Предлог ревности по вере — самый удобный. Защищается великая святыня — чистота веры и духа! Именно здесь, у защиты святыни должен человек облечься в святыню, подпоясать свои чресла постом и милостынею духа. В этом и будет Православие его жизни.

Надо открыто признать тот несомненный факт, что среди всех исповеданий веры в истинное Боговоплощение, на земле совершившееся в Господе Иисусе Христе, Альфе и Омеге спасения, среди всех призывающих Его Святое Имя — *есть духовно рожденные люди*. И среди православных, и среди римо-католиков, и среди протестантов разных направлений и оттенков. Обратный факт таков, что среди и первых, и вторых, и третьих есть люди, не родившиеся духом во Христе, не возненавидевшие зла, не возлюбившие Бога всем сердцем, всем помышлением. Все те, коих Православная Церковь принимает без крещения, все те суть *христиане* — братья православных во Христе, и отношение к ним должно быть особенно братское, любовное. Говорим, особое, ибо братское отношение должно быть у человека ко всем людям. Как может православный обратить кого-либо к вере, если не будет у него для этого человека любви? Как узнает этот человек ту веру любви, если не увидит любви у тех, кто ее проповедует?

Гордость мерзка пред Богом, и мы, православные, вразумляемся сейчас не только за грехи своей плоти, но и за грехи своего духа. «Ты говоришь: Я богат... (право-славен!), — а ты жалок и нищ, и слеп, и наг» (Откр. 3, 17), — говорит Господь гордящемуся нелюбовному православному человеку.

Придет ли то благословенное время, когда засияет подлинное Православие в тех, кто носит Его имя?! Засияет кротость, милосердие, чистота, любовь нелицемерная о Христе к каждому че-

ловеку, к каждой твари. В наши дни сияет вера православная в мученичестве русских людей. Но и в некоторых сектантах-мучениках и исповедниках, как и в католиках, изгоняемых и мучимых за веру Христову, — *прославилось Православие*, истинное, нелицемерное, гораздо более чистое и святое, чем в тысячах теплых-холодных, боязливых, имеющих только имя, «будто живых» (Откр. 3, 1), но на самом деле мертвых последователей нашего чистого догматического учения.

Наше Православие здесь лишь отблеск, лишь отзвук Православия небесного, его вечной истины, вечных совершенств. Догматически оно чисто отражается в учении Православной Церкви, но оно есть дух и жизнь и имеет *плодом* своим — только жизнь. Православие есть *добрый плод*, и о дереве надо судить только по плодам, по результатам его цветения. Пусть цвет некрасив, пусть листья колючи и сухи, пусть дерево низкоросло и неказисто, пусть даже поломано... Но если плод сладкий, чистый и питательный — то дерево православно в плодоносности своей. И, наоборот, пусть пышны цветы и листья, пусть огромно и чудно дерево, если плод несъедобно горек, ядовит или ничтожен, то ничто не явит истину Православия этого на вид выделяющегося дерева. И жалко будет оно, если само станет выделять себя и превозноситься над другими деревьями.

Но в чем практически состоит *дух сектанства*, против которого надо вооружаться молитвою и трезвением? Дух этот есть дух *душевной (не духовной) ревности*. Это — рационализация веры, *блюдене чистоты* веры и *потеря глубины*. Это ущерб любви. Некоторые православные по-сектантски защищают свое Православие, орудуя текстами Писания или канонами, как палками, браня сектантов, или своих же православных (примеры древних и новых расколов), защищая веру свою без надежды на Бога, без любви к человеку. И наоборот, в некоторых сектантах проявляется православный дух в отношении того или иного вопроса. Например, в отношении непонимания общения с Небесною Церковью (святыми) все сектанты будут «не признавать» этого общения, и не желая приобщаться к его опыту Духа, горделиво отвергать это общение, но один сектант будет обличать православных за их «идолопоклонство», другой «отдаст суд Богу» и лишь кротко помолится о просвещении братьев православных светом истины. И тот, и другой будут вне опыта православного общения с Небесною Церковью, но один будет неправославно настроен (первый), другой — *православно*, и несмотря на свое неправославное исповедание веры, может быть, окажется пред Богом более православным, чем иной православный, общающийся со святыми

чисто внешне — обрядно, но не поступающий в жизни по заповедям Евангельским, не стремящийся сердцем к духу святых.

Все повинны. «Нет праведного ни одного» (Рим. 3, 10) — это надо понять. И не осуждать друг друга, но *помогать друг другу*, учиться правде друг у друга. Сколько перегородок тогда падет!

Если бы Господь ограничил Себя теми законами спасения, которые понятны нашему человеческому уму, нам бы всем пришлось погибнуть. К безмерному счастью человеческому — это не так. Законы спасения Божьего шире наших пониманий, вернее сказать — глубже. Ибо Спаситель — Господь, а мы — люди, тварь ничтожная и окаянная пред Богом. И «вся наша праведность — как запачканная одежда» (Ис. 64, 6)... Вся православность наша действительно «как запачканная одежда»... И сознание этого только выявляет, только подчеркивает безмерную истину, глубину и величие Православия.

